

Петрова Дарья Дмитриевна

магистрант

ГОУ ВО «Московский государственный
областной университет»

г. Москва

**«РУССКАЯ ПРАВДА» В ИССЛЕДОВАНИЯХ ИСТОРИКОВ XVIII –
НАЧАЛА XIX ВЕКА**

Аннотация: в представленной статье исследователем рассматривается историография Русской Правды историков Б.Н. Татищева и Н.М. Карамзина.

Ключевые слова: Русская Правда, историки.

Рукописные списки Русской Правды являлись в течение последних десятилетий предметом самого пристального изучения со стороны отечественных историков. Новые классификации всех приведенных в известность списков Русской Правды предложили в своих работах С.В. Юшков и В.П. Любимов [1; 2]. Происхождение и значение каждой из последовательно возникавших групп списков Русской Правды исследовал в своем труде М.Н. Тихомиров [3]. Наконец, С.В. Юшков еще раз провел пересмотр вопросов, связанных с историей текста Русской Правды и с определением ее исторического значения [4]. Эти основные работы, также наряду с многочисленными частными работами, привнесли довольно значительную ясность в историю рукописных текстов Русской Правды.

Хуже обстоит дело с другим периодом истории текста Русской Правды, начало которому было положено Б.Н. Татищевым. В.Н. Татищев открыл Русскую Правду в приобретённом им «Древнем новгородской иоанновом летописце», или, по теперешнему его наименованию, в Академическом списке Новгородской 1-й летописи. Татищев не включил обнаруженную и в составе этого «летописца» Русскую Правду в свою «Историю российскую с самых древнейших времен, хотя и ставил задачей собрать в ней из всех манускриптов «полнейшее и обстоятельнейшее в порядок лет, как они написали, не переменяя ни убавлявая из них ничего» [5]. Не включив Русскую Правду в свою «Историю», Татищев

был в этом отношении лишь одним из представителей историографии времен абсолютизма XVII–XVIII в.в., которая достойным предметом исторического изучения считала деяния государей, военные и дипломатические, но совсем никак не внутреннюю жизнь народа. Однако значение и Русской Правды и Судебника 1550 г. и других итоговых материалов было Татищевым оценено наряду с сочинением им «Истории», и он задумал падасть четырехтомное «Собрание законов древних русских для пользы всех любомудрых собранных и неполно истолкованных», в состав которого на первом месте вошла бы Русская Правда [6]. Приобретённый Татищевым «Новгородский летописец» был им передан в 1737 г. в Библиотеку Академии наук, где он находится и поныне. Вся последующая работа Татищева над Русской Правдой протекала в далекой от тогдашнего Петербурга обстановке, когда Татищев начинал свою работу над Русской Правдой, он находился в Оренбургской экспедиции: когда же он вторично за нее принялся, он жил уже безвыездно в своём подмосковном селе Болдине. Татищеву пришлось работать не над подлинником Академического списка, а по копии, снятой для него. Что это было именно так, подтверждает сопоставление одной сохранившейся такой копии (или копии с этой копии) двумя татищевскими редакциями Русской Правды. Так, например, в статье Правды о пене за убийство холопа и смерда (...а в смерде и в холопе 5 гривен»), которая в Академическом списке читается неисправно «и в хопе» вместо (и в холопе»), переписчик написал «... а в смерде и в охоте 5 гривен». Эта же ошибка имеется в обеих татищевских редакциях Правды. С другим примером ошибки татищевского текста, обусловленного ошибкой той же копии, можно встретиться в работе. Татищевская работа над Русской Правдой вылилась в две редакции его труда. Первая из них была представлена в Академию наук в январе 1740 г. в составе первой части Собрания законов; вторая - в конце 1749 или в начале 1750 г. [7]. Состав Русской Правды, представленной Татищевым в Академию в январе 1740 г., сложен. Ее первоначальный беловой текст написан рукой писца, который переписывал татищевские бумаги в Самаре до отъезда Татищева оттуда в январе 1739 г. и в виде рукописи составлен текст Русской Правды «по ветхому наречию», ее перевод

(«новоприложенное») и постатейный комментарий Татищева. К этому первоначальному беловому тексту Татищев по приезду в Петербург дважды возвращается, прежде чем передать его в Академию наук, внося поправки в свои примечания, как было установлено впервые Г.Л. Гейермансом. Наблюдения Г.Л. Гейерманса над сохранившимися в наших хранилищах копиями этой первой татищевской рукописи (которые удалось расширить, когда В. И. Малышевым была обнаружена в частном собрании В.Ф. Груздева еще одна копия) позволили установить, что В.Н. Татищев считал уже законченной свою работу, уже в том беловом виде, в каком он ее привез из Самары, и разрешил с нее снимать копии. Именно такая копия только одного белового писарского в собрании Груздева (в настоящее время она находится в Москве в собрании М.Н. Тихомирова). Затем он приступил к правке и после первой правки опять разрешил сделать копии. Сохранились четыре такие копии. После последней второй правки с рукописи была снята еще одна копия. Промежуточные копии отличаются только тем, что содержат не имеющиеся в первом и окончательном виде этой редакции добавления: обращение «К благосклонному читателю» и «Дополнение к древним законам (о древнем денежном счете)». Когда Татищев готовил в 1749 г. свою новую редакцию Правды, он готовил ее в основном независимо от первой, имея перед собой не только известную нам уже копию «Новгородского летописца», но еще и остающуюся неизвестной нам Ростовскую летопись.

Толчок к дальнейшей работе над Русской Правдой был дан Николаем Михайловичем Карамзиным. 3 октября 1803 г. состоялся указ об «ободрении» Карамзина «в качестве историографа» ежегодным пенсионом в две тысячи рублей. Вслед за тем последовало повеление Александра I об открытии доступа Карамзину в архивы 11 библиотек. В первые же годы своей работы Карамзин сделал ряд важнейших находок рукописей Русской Правды, найдя и введя в научный оборот списки Пространной редакции, которые и до наших дней остаются важнейшими звеньями истории ее текста. В Синодальной библиотеке была найдена пергаментная кормчая, которая содержит в себе древнейший еще и для нашего времени список Русской Правды конца XIII в.; им же впервые введен в оборот

другой, известный уже Болтину пергаменный список из библиотеки гр. Мусина-Пушкина – так называемый Пушкинский список, являющимся представителем одной из основных групп Пространной Правды. Пользуясь этими ценнейшими списками, Карамзин мог, конечно, без труда установить те «мнимые поправки», от которых пострадало издание Болтина. Для Карамзина все известные ему списки – это список одной и той же Русской Правды, и отличаются один от другого только тем, что один – древнее, другой – новее, один испрашивает её, другой – хуже. Краткая Правда – это для Карамзина «список попа Иоанна», причем «сей устав весьма неполон». Поэтому и Карамзин и упрекает Болтина именно за то, что он последовал за текстом Краткой Правды при составлении первой статьи своей Правды. Синодальный описок конца XV в. Карамзин называет то «Софийским подлинником», то просто «подлинником». И постоянно ссылается на этот текст. Список Пушкинский и Засоцкого – для Карамзина только «позднейшие списки», которыми он пользуется, Краткою Правдой, иногда для поправок или для сопоставления отдельных мест Правды. В тексте «Истории» Карамзина одна глава целиком отведена Русской Правде. О характере этой главы Карамзин пишет в одном из своих писем М.Н. Муравьеву: «Законы Ярославовы предложены мною в ясном систематическом порядке». Как «система», так и толкования, предложенные Карамзиным в этой статье были связаны с общими взглядами Карамзина [8] и определенный характер, который нашёл наиболее ясное и отчетливое выражение в его известном политическом памфлете – в «Записках о древней и новой России»: «Самодержавие есть палладиум России; целость его необходима для ее счастья», это – первое; дворянство – «столь же древнее как и Россия», это – второе. Оба они, самодержавие и дворянство, теснейшим образом обусловлены одно другим. В образном виде Карамзин изложил свою общую точку зрения на Русскую Правду за год до того, как он приступил к своему историческому труду, в «Письме к господину N», которому предлагал совершенно разные «случаи и характеры в Российской истории, которые могут быть предметом художеств». Первая картина, предлагаемая Карамзиным, – это «самое начало Российской истории, т. е. призвание варяжеских князей»; в этой картине

русским послам полагается удивляться «величественной красоте варяжских князей». Другая картина всецело посвящена Русской Правде: «Ярослав одною рукою разворачивает свиток законов, а в другой держит меч, готовый наказать преступника, Вельможи новгородские с видом смирения приемлют их от князя и меча его. За Ярославом стоят монахи с переведёнными книгами, в знак того, что он в них почерпнул некоторые идеи для своего законодательства». До призвания варягов древляне, по Карамзину, вслед за Нестором, «имели обычаи дикие, подобно зверям»; северяне, радимичи и вятичи «обитали во глубине лесов», подобно древлянам; правда, что и эти племена имели «некоторую степень образования», что «самые грубые древляне жили отчасти в городах», что «самые вятичи и радимичи, варвары, по описанию Несторову, издревле занимались хлебопашеством», что у них была, впрочем, вероятно и торговля. Особо выделяются любезные и сердцу Нестора поляне; по характеристике Карамзина, что они были «образованнее других, кротки и тихи обычаем. Славяне этого времени живут «по коленам», у них нет никакого «общего правления»; в деле «гражданского правосудия» нет ни общего права, ни писаного закона – руководством служат лишь «советы и древние обычаи каждого племени» [9, с. 21–22, 26, 38, 47, 141–142, 144–146].

Но вот в 862 г., по Нестору, происходит, как это не раз подчеркивает Карамзин, призвание варягов. Прошло столетие, и Россия сразу «достигла от колыбели до величия редкого». Что произвело «феномен столь удивительный в истории?» – спрашивает Карамзин в своей «Записке: И отвечает: «...пылкая, романтическая страсть наших первых князей завоеваниям и единовластия, ими основанное на развалинах множества слабых, несогласных держав народных, из коих составила Россия». И в «Истории» он пишет о «счастливым введении монархической власти», рассматривая призвание варягов именно с этой точки зрения. Таким образом, две идеи сливались у Карамзина воедино. О быстрой славянизации варягов Карамзин говорит и на страницах своей «Истории». По его мнению, ко времени договоров Олега с греками «уже варяги около шестидесяти лет господ-

ствовали в Киеве; сверстники Игоревы, подобно ему, рожденные между славянами, без сомнения, говорили языком их лучше, нежели скандинавским». Точка зрения Карамзина на норманизм Русской Правды дана в заметках, сделанных им во время работы над первыми томами его Истории. «Две вещи: были для него тогда «ясны», и одна из них это – «законы и все учреждения – норманские». Для Карамзина же эти договоры служат доказательством того, что «варяги принесли с собою обще гражданские законы в Россию». Эти отмеченные в договорах законы и есть «первые законы нашего отечества, еще древнейшие Ярославовых»; комментируя первую статью Русской Правды, Карамзин вновь напоминает, что «мы уже имели случай заметить, что Россияне получили свои гражданские уставы от скандинавов».

Список литературы

1. Русская Правда / Сост. и подг. к печати проф. С.В. Юшков. – Киев, 1935.
2. Любимов В.П. Списки Правды Русской // Правда Русская / Под ред. акад. Б.Д. Гречева. – М. – Л., 1940. – Т. I. – С. 11–54.
3. Тихомиров М.Н. Исследование о Русской Правде. – М. – Л., 1941.
4. Юшков С.В. Русская правда. – М., 1950.
5. Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. – Кн. 1. – Ч. 1. – М., 1768. – С. XXIV–XXV.
6. Андреев А.И. Примечание В.Н. Татищева к «Древним русским законам». «Исторические записки». – Кн. 36. – С. 252–262.
7. Андреев А.И. Указ. соч. – С. 258, 260.
8. Карамзин Н.М. История государства Российского, т. II, примеч. 65 и 67 (о Краткой Правде), примеч. 63, 67, 72 (О Синодальном списке), примеч. 106.
9. Карамзин Н.М. История государства Российского. – СПб.: Эйнерлинга, 1842. – Т. 1.